

ощупью, онъ нашелъ кресло, остановился передъ нимъ и окинулъ присутствующихъ помутѣвшимъ взоромъ. Бѣднякъ слѣпъ. Женщина, которая вела его, его жена, его опора и помощница во всѣхъ трудахъ. При первомъ взглядѣ наружность ея напоминаетъ одну изъ тѣхъ несчастныхъ арфистокъ, которыя водятъ по дворахъ слѣпцовъ, чтобы они пѣсней вымаливали себѣ хлѣбъ, но душа ея—душа героини. Она достаетъ мужу изъ библіотекъ необходимыя книги, какъ на древнихъ, такъ и новѣйшихъ языкахъ, читаетъ ихъ ему вслухъ, дѣлаетъ нужныя выписки и въ то же время готовить ему кушанье; случалось даже, что знакомые заставляли ее за такимъ смиреннымъ занятіемъ, какъ мытье площадки на лѣстницѣ передъ ея дверями. Въ теченіе цѣлыхъ 14 лѣтъ приватъ-доцентства Дюринга въ университетѣ, срока, неслышанно долгаго въ Германіи, доходы его были такъ незначительны, что жена его должна была взять на себя трудъ прислуги въ домѣ.

Она сѣла, онъ также сѣлъ въ кресло, и лекція началась. Само собой разумѣется, что вся лекція эта была совершенно изъ головы, такъ какъ читалась съ закрытыми глазами. Предметомъ, какъ этой, такъ и послѣдующихъ лекцій было, какъ значилось на нашихъ билетахъ: „Преслѣдованія, которымъ подвергаются самостоятельные мыслители со стороны профессиональныхъ ученыхъ какъ въ древности, такъ и нынѣ, какъ въ области философіи, такъ и естественныхъ наукъ“. Громко, внятно, но голосомъ, въ которомъ часто слышалась самая ѣдкая злоба, самая страшная ненависть, прочелъ ораторъ свою первую лекцію, захвативъ весь періодъ исторіи до нашихъ дней, перечисляя жертвы профессорской нетерпимости. Основная мысль его, заключающая сама по себѣ много правды, была та, что въ различныхъ мѣрахъ, предпринятыхъ, какъ видно изъ исторіи, отъ имени государства, церкви, науки, гораздо чаще чѣмъ обыкновенно думаютъ, таится одна личная ненависть, одно личное соперничество. Но въ томъ преувеличенномъ видѣ, какъ онъ ее развили, мысль эта приняла нелѣпую форму. За что долженъ былъ выпить Сократъ чашу съ отравой? Не за то, что онъ заслужилъ прозвище атеиста и развратителя юношества, а потому, что софисты, „профессора того времени“, смертельно ненавидѣли философа, затмѣвавшего ихъ. Джіордано Бруно умеръ на костре—отчего? Не отъ того, что папство и инквизиція захватили великаго мыслителя въ свои когти, а отъ того, что старые товарищи Бруно донесли на него и добились обвинительнаго приговора. Не помню, какимъ фокусомъ поставленъ былъ въ вину профессорамъ про-